

На правах рукописи

Третьякова Наталья Юрьевна

**МОЛЧАНИЕ И СРАВНЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ИДИОСТИЛЯ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ А.П. НЕРКАГИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ «АНИКО ИЗ РОДА НОГО», «ИЛИР»,
«БЕЛЫЙ ЯГЕЛЬ», «МОЛЧАЩИЙ»)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Тюмень – 2010

Работа выполнена на кафедре русского языка Института филологии и журналистики ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Научный руководитель: *доктор филологических наук, профессор*

Лютикова Вера Дмитриевна

Научный консультант: *доктор филологических наук, профессор*

Купчик Елена Викторовна

Официальные оппоненты: *доктор филологических наук, профессор*

Бурыкин Алексей Алексеевич

кандидат филологических наук, доцент

Рацен Татьяна Николаевна

Ведущая организация: *ГОУ ВПО «Курганский государственный университет»*

Защита состоится 16 декабря 2010 г. в 10-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212. 274. 09 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Тюменском государственном университете по адресу: 625003 г. Тюмень, ул. Семакова, 10, ауд. 325.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Автореферат разослан «___» ноября 2010 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор филологических наук, доцент

С.М. Белякова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена изучению и описанию идиостиля языковой личности Анны Павловны Неркаги, выявлению этнокультурного аспекта в произведениях писателя на примере идиостилевых показателей – молчания и сравнения.

Актуальность темы исследования. Внимание к языку индивида как единственному пути порождения речи в реальной ее обусловленности языковой системой и нормами закреплено в языкознании еще с работ младограмматиков (Г. Пауль, К. Бругман, Г. Остхоф). Разработка теории языковой личности относится к числу актуальных задач современных наук о языке (Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, М.А. Кормилицына, В.В. Красных, В.Д. Лютикова, Ю.Е. Прохоров, К.Ф. Седов, Ю.С. Степанов, И.П. Сусов, О.Б. Сиротинина, Л.О. Чернейко, А.М. Шахнарович и др.).

На рубеже XX-XXI вв. исследование региональных литератур приобретает особое значение и интерес для ученых (О.Г. Постнов, В.Г. Одинокоев, Л.П. Якимова, Н.Н. Соболевская, Ю.В. Шатин, Б.Ф. Егоров и др.). Важную роль при создании данной работы сыграли исследования Н.Д. Арутюновой, О.К. Лагуновой, В.Д. Лютиковой, Е.С. Новик, Е.С. Радионовой, И.А. Садыковой, Л.С. Филипповой, О.Б. Христофоровой, а также материалы Н.М. Терещенко по лексике, грамматике и синтаксису ненецкого языка [Терещенко, 1947; 1956; 1982].

Анна Павловна Неркаги (1952 г.) – профессиональный русскоязычный писатель, член Союза писателей РФ, лауреат премии им. Н.М. Чукмалдина. Творчество и судьба ненецкого прозаика А.П. Неркаги стали выдающимся явлением в жизни Ямала.

Оригинальность русскоязычного творчества А.П. Неркаги привлекает внимание исследователей с 70-х годов до настоящего времени. Из первых биографических и литературоведческих работ известны исследования А. Омельчука [Омельчук, 1977; 1979; 1981], Г. Сазонова [Сазонов, 1978], Ю. Надточия [Надточий, 1978], Т. Комиссаровой [Комиссарова, 1979], Е. Шкловского [Шкловский, 1979], О. Лагуновой [Лагунова, 1980], Г. Григорьевой [Григорьева, 1984] и др.

Для характеристики языковой личности А.П. Неркаги были выбраны молчание и сравнение. Сравнение – важный элемент идиостиля, представляющий собой не просто способ наименования окружающей действительности, но и средство ее оценки, а значит, и выражения индивидуально-авторского мировосприятия. В произведениях А.П. Неркаги наблюдается разнообразие сравнительных конструкций и в структурном, и в семантическом плане, привлекает внимание яркость, точность объектов сравнений, обусловленность их выбора не только ситуацией, но и «молчащей» северной культурой. Однако сравнения в творчестве А.П. Неркаги недостаточно полно и глубоко изучены.

Актуальность исследования продиктована продолжающимся в научном мире ростом интереса к творчеству А.П. Неркаги. Об этом свидетельствуют опубликованные в последние десятилетия работы Н.Г. Качмазовой [Качмазова, 1996], Г.И. Данилиной [Данилина, 1997], В.Я. Курбатова [Курбатов, 1998], Ю.Н. Афанасьева [Афанасьев, 1999], В.А. Рогачева [Рогачев, 1996; 2001; 2002], Н.А. Рогачевой [Рогачева, 2000], А.В. Ващенко [Ващенко, 2004], Н.В. Цымбалистенко [Цымбалистенко, 2005], Л.А. Уруковой [Урукова, 2008] и мн. др. Феномену творчества коренных малочисленных народов Западной Сибири и А.П. Неркаги в частности посвящены работы О.К. Лагуновой [Лагунова, 1996; 2001; 2002; 2003; 2005; 2007].

Феномен литературы народов Севера вызывает интерес не только в нашей стране, но и за рубежом: Анн-Виктуар Шаррен «Люди Сибири: одна жизнь – два мира», «Литература коренных народов Сибири» [Charrin, 1994; 2001]; Доминик Самсон «Дальний Север в повести «Илир» Анны Неркаги: страницы коренной жизни (1917-1997)», «Ненецкая повесть Анны Неркаги, или Боли сибирского сердца» [Samson, 1999; 1991-1992].

Цель работы – описание языковой личности А.П. Неркаги на примере элементов идиостиля – молчания и сравнения, выявление этнокультурного аспекта в выражении данных идиостилевых показателей в произведениях писателя.

Данная цель предполагает решение следующих исследовательских задач:

- 1) выявить особенности речевой коммуникации в произведениях А.П. Неркаги и проанализировать их роль в создании языковой картины мира писателя;
- 2) исследовать специфику молчания и попытаться определить причины молчания ненцев, героев повестей А.П. Неркаги;
- 3) выявить показатели языковой рефлексии в языковой картине мира А.П. Неркаги и оценить степень значимости метаязыковых высказываний;
- 4) исследовать качественно-количественный состав сравнительных конструкций в произведениях А.П. Неркаги и описать языковые средства выражения сравнений;
- 5) исследовать реализацию семантического плана сравнения как отражения этнокультурной специфики языковой картины мира А.П. Неркаги.

Объектом исследования является языковая личность писателя Анны Павловны Неркаги. **Предметом** изучения послужили идиостилевые показатели – молчание и сравнение.

Поставленная цель и задачи определили выбор **материала исследования**, в качестве которого представлены извлеченные методом сплошной выборки из произведений А.П. Неркаги 1060 сравнительных конструкций. **Материалом исследования** также послужили показатели языковой рефлексии – предложения, выражающие отношение автора и героев к языковым фактам, их характеристика и оценка. Содержащая их картотека, составленная методом сплошной выборки, насчитывает 226 единиц (молчание, слово, разговор).

Научная новизна исследования состоит в том, что работа представляет собой первый опыт комплексного лингводидактического и лингвокультурологического подходов к изучению русскоязычной писательницы ненки А.П. Неркаги как языковой личности. В ходе проводимого исследования была предпринята попытка типологии коммуникативно-значимого молчания и структурно-семантической классификации сравнений в произведениях писателя. В работе впервые освещаются сложные связи молчания и сравнения в творчестве А.П. Неркаги.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что она вносит вклад в изучение языковой личности писателя. Диссертация дает материал для дальнейших обобщений и разработки круга теоретических вопросов современной языковой личности. В работе сделана попытка разноаспектного практического исследования элементов идиостиля (молчания и сравнения) на материале произведений А.П. Неркаги, а также намечены дальнейшие пути изучения языковой картины мира писателя.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения материалов диссертации в вузовском курсе по русскому языку «Речевая коммуникация», лингвокультурологии, на занятиях по литературному краеведению, спецкурсах по стилистике художественного текста и этнолингвистике. Результаты работы могут быть использованы в учебном процессе, осуществляемом на русском языке в национальных школах севера Урала и Сибири.

Источниками исследования являются произведения А.П. Неркаги «Анико из рода Ного», «Илир», «Белый ягель», «Молчащий». Данные произведения были исследованы нами по следующим изданиям: Неркаги А.П. Северные повести. М.: Современник, 1983; Неркаги А. Молчащий. М.: Молодая гвардия, 1977; Неркаги А.П. Скопище // Последнее пришествие. Сборник произведений писателей коренных народов Севера. М.: Прибой, 1998; Неркаги А.П. Молчащий: повести. Тюмень: Софт-Дизайн, 1996.

На разных стадиях исследования применялись общепринятые в лингвистике **методы:** наблюдение, лингвистическая интерпретация, сопоставление; описательный метод в компонентной и контекстной разновидностях; статистический прием.

На защиту выносятся следующие **основные положения:**

1. В произведениях А.П. Неркаги одной из главных является тема коммуникативно-значимого молчания. На примере рассматриваемых текстов были выделены следующие виды молчания: эквивалентное коммуникативно-значимое молчание (альтернативно-вербальное молчание), вызванное эмоциями, чувствами, размышлениями, раздумьями и др., допускающее вербальный эквивалент, и безэквивалентное коммуникативно-значимое молчание (этноречевой запрет), характеризующееся отсутствием вербального эквивалента;

2. Практическая направленность метаязыковых высказываний А.П. Неркаги, проявляющаяся в точных характеристиках речевого поведения, неразрывно связана с гиперсемиотичностью ненецкой культуры, определяющей

«экономии» слов. Слово требует тщательного обдумывания и лишь затем проговаривается. Рефлексии подвергаются, с одной стороны, слова, речь, разговор, беседа, мнение; с другой стороны, рефлексруется и сам языковой процесс;

3. Сравнение – важный элемент языковой картины мира, который, являясь познавательной категорией, лежит в основе появления и вербализации новых знаний. Кроме того, сравнение выступает как продукт языковой картины мира, так как в процессе сравнения задействованы различного рода образы, ассоциации, которые выражаются в языке. Также сравнение является и одним из средств создания языковой картины мира, так как в устойчивых сравнениях фиксируются определенные стереотипы мышления, присущие той или иной лингвокультурной общности и передаваемые из поколения в поколение;

4. Этнокультурная специфика сравнительных конструкций А.П. Неркаги проявляется в выборе предметов и явлений для создания образов сравнения и даже способов выражения сравнения. Специфическое национальное видение мира отражается в семантике сравнений, связанной с особенностями растительного и животного мира, древнейшей формой религии ненцев, географическими особенностями, спецификой культурно-хозяйственной жизни народа. Сравнения выполняют важные выразительно-изобразительные, смысловые и эмоциональные функции;

5. В молчании и сравнении прослеживается антропоморфный взгляд ненцев на мир и проявляется национальная (ненецкая) языковая личность А.П. Неркаги. В произведениях писателя часто встречаются конструкции, фиксирующие стремление автора к поиску точного сравнения. Конкретизация речи путем сравнения позволяет избежать многословия. Следовательно, перед нами развивающаяся языковая личность, которая идет от гиперсемиотичности и связанными с ней рефлексивностью и молчанием к попытке конкретизации, пояснения и сравнения.

Апробация результатов. Основные положения диссертации обсуждались на межвузовских, всероссийских и международных конференциях в Тюмени (2006 г., 2007 г., 2009 г.), в Ясной Поляне (Крапивна, 2008 г.), в Красноярске (2009 г.), в Курске (2009 г.), в Пензе (2009 г.), в Рубцовске (2009 г.), в Челябинске (2009 г.), а также на научных семинарах кафедры русского языка в Тюменском государственном университете. Результаты исследования нашли отражение в 10 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, содержащего основные выводы по работе, библиографического списка из 291 наименования. Объем работы составляет 195 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается обоснование выбора темы исследования, ее актуальности, указываются объект, предмет, формулируются цель и задачи, рассматривается методологическая основа исследования, перечисляются методы, используемые в работе, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, представляется ее апробация, излагаются основные положения, выносимые на защиту, описывается структура.

Глава 1 «**Языковая личность писателя А.П. Неркаги**» посвящена теоретическому анализу научных оснований, связанных с языковой личностью, основным направлениям ее изучения и принципам классификации, которые могут быть использованы при описании языковой картины мира А.П. Неркаги.

Многообразие подходов к изучению понятия языковой личности (далее ЯЛ) предопределено его сложностью и многоаспектностью. На современном этапе лингвистики можно выделить два основных направления изучения ЯЛ: лингводидактика и лингвокультурология. В лингводидактическом направлении ЯЛ представляется совокупностью присущих ей языковых особенностей, а в лингвокультурологическом – совокупность индивидов составляет образ ЯЛ. В рамках этих подходов ЯЛ исследуется в следующих аспектах: когнитивном (А.П. Бабушкин, Г.И. Берестнев, Ю.Н. Караулов, Е.С. Киреева, В.В. Красных, Л.О. Чернейко, А.М. Шахнарович), прагматическом (прагмалингвистическом) (Е.А. Горло, Ю.С. Степанов, И.П. Сусов), социолингвистическом (М.А. Кормилицина, Т.В. Кочеткова, В.Д. Лютикова, О.Б. Сиротинина) и др. Полисемантность понятия ЯЛ обуславливается многозначностью подходов к изучению феномена ЯЛ. В данном исследовании применение лингвокультурологического и лингводидактического подходов позволяет не только шире взглянуть на проблему языковой личности А.П. Неркаги, но и определить особенности языкового сознания писательницы. Так, в исследовании языковой рефлексии как формы проявления языкового сознания, языковой картины мира как специфики отражения бытия через текст доминантным является лингвокультурологический подход к изучению ЯЛ. В свою очередь, при изучении категории образности в произведениях А.П. Неркаги применяются оба подхода, но ведущим, несомненно, является лингводидактический подход.

Анализ существующих исследований, посвященных ЯЛ, показал, что ученые активно изучают способы воплощения ЯЛ, ее типы, речемыслительные механизмы реализации, методы и приемы описания. Типы ЯЛ выделяются в зависимости от подхода к предмету изучения: с позиции личности (этнокультурологические, психологические и социологические) или языка (типы речевой культуры, языковой нормы).

Языковое сознание индивидуально по своей природе, но соотносится с национальной культурой народа – носителя языка. Говоря о языковом сознании личности, важно иметь в виду те особенности речевого поведения индивидуума, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным

статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психологическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности. Отметим, что языковое сознание – это важнейшая составная часть структуры ЯЛ, ее коммуникативного опыта, ее речевой биографии [Лютикова, 2000: 75]. Так, исследуя произведения А.П. Неркаги, необходимо учитывать особенности культуры народов Севера. Именно в данном ракурсе возможно обоснование тематического разнообразия объектов сравнительных конструкций, характеристика метаязыковых высказываний, понимание отношения автора и героев к Слову и молчанию в произведениях А.П. Неркаги.

Изучение идиостилей писателей имеет традицию, созданы многочисленные словари языка писателей, в то время как словарей отдельных говорящих личностей (обычно – диалектоносителей) немного (В.Д. Лютикова, Е.А. Нефедова, В.П. Тимофеев).

Идиостиль (индивидуальный стиль, идиолект) – совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, публициста, а также отдельных носителей данного языка [Болотнова, 2003: 95]. Заметим, что идиолект представляет собой совокупность собственно структурно-языковых особенностей, имеющих место в речи отдельного носителя языка, тогда как идиостиль – это совокупность именно речетекстовых характеристик отдельной ЯЛ (писателя, ученого, конкретного говорящего человека), это стиль художественного мышления, находящего выражение в словесно-образной структуре художественного текста. В терминологическом употреблении «идиолект» применим к исследованию любых индивидуальных проявлений ЯЛ, «идиостиль» чаще всего используется применительно к исследованию художественного текста.

Понятие ЯЛ автора художественного произведения базируется на изучении созданных им текстов (ср. языковая картина мира поэта, писателя). Языковое сознание создает ценностные ориентиры, складывающиеся у человека в его языковом опыте, которые он проецирует в речи. Личное, субъективное отношение писателя к жизни органически входит в содержание художественных произведений (В.М. Борисова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, А.В. Кузнецова, В.А. Маслова и др.).

Для нашего исследования актуальна тема билингвизма русскоязычных писателей коренных малочисленных народов Севера, так как тундровая ненка А.П. Неркаги пишет произведения на русском языке. Рассматривая творчество русскоязычного писателя А.П. Неркаги, мы будем придерживаться точки зрения Н.Л. Лейдермана: «иноязычие» оказывается нередко носителем нескольких нерусских культур или некой межнациональной культурной общности («кавказский образ мира», «среднеазиатский образ мира» и т.п.). В текстах таких русскоязычных писателей «тип модели мира предполагает толерантность, взаимоуважение и взаимопомощь разных национальных культур» [Лейдерман,

2005: 48-59]. Бикультурализм предполагает, что две языковые картины мира существуют и взаимодействуют друг с другом. Следовательно, можно говорить о билингвистической картине мира. В этой общей картине соотношение двух составляющих может быть различным. Отнюдь не обязательно, что одна подавляет другую. Такая картина может быть относительно целостной, относительно органичной. Это зависит от конкретного случая.

Природа тесно связана с жизнью народов Севера, поэтому отношение ко всему живому бережное. Согласно традиционному мировоззрению ненецкого народа, растения, животные, люди и духи – это создания единой Природы, которые находятся в постоянном взаимодействии (синкретизм общественного сознания). Для северных сибирских культур характерно отношение к проявлениям окружающего мира, как к адресованным посланиям, свои поступки человек рассматривает, прежде всего, с точки зрения того, какой смысл они имеют для партнера по взаимодействию, как они будут им интерпретированы. Это объясняется рефлексивностью мышления и гиперсемиотичностью северных культур.

Для религиозной психологии ненцев характерно чувство зависимости от сверхъестественных сил, которое обусловило веру в соблюдение определенных норм и «правил ведения разговора с Природой». Этим объясняется молчание-понимание всего живого: *«Лицо и голос человека голодного не отличаются от морды и воя волка. Вот почему иногда, стоя над трупом растерзанного оленя, ненец лишь тяжело вздохнет и не пошлет хищнику вслед жестокого проклятия. Судьба-то одна у всего живого»* [Неркаги, 1996: 46; в дальнейшем примеры в тексте приводятся с указанием страницы].

В коммуникативной культуре ненцев понимание обычно подразумевает и уважение к собеседнику, его Слову, ведь ненцы оценивают человека не по его словам, а по реальным поступкам (добрым делам), которые он совершает [Христофорова, 2001: 107]. Ярким свидетельством языковой рефлексии изучаемой ЯЛ является Слово, отношение к Слову, его характеристика и оценка. Для героев произведений А.П. Неркаги присуще уважительное отношение к традициям своих предков, к речевым канонам, передававшимся от поколения к поколению. Слово имеет очень большую силу, поэтому ненцы отрицательно оценивают многословие: Слово требует тщательного обдумывания и лишь затем проговаривается.

Слово в произведениях А.П. Неркаги имеет широкий спектр атрибутивных характеристик, содержащих оценку: доброе, ласковое, милое, умное, справедливое, сильное, страшное, тяжелое, обидное, жестокое, трудное, бессильное, новое, особое, необычное, крохотное и др.: *Старые ненцы еще совсем недавно говорили: не можешь несчастного согреть огнем, куска мяса нет, табак кончился, ни понюшки малой – не казни себя, у тебя есть слово доброе, по силе равное огню, по сытости куску мяса и доброй понюшке по крепости (с. 21); Весна... скажешь это милое слово и невольно замолчишь, ибо только таким благоговейным молчанием можно выразить все, чем полна душа (с. 91); Обиженные из всех родов приез-*

жали к ним: нищие за помощью, богатые за невестами, друзья за добрым словом (с. 317). Метаязыковые высказывания имеют практическую направленность, они часто дают точные характеристики речевого поведения.

Рефлексии подвергаются, с одной стороны, слова, речь, разговор, беседа, мнение. Слово имеет великую силу, «*старые люди не шутят со словом*», «*если сосед подошел к соседу и сказал: «Есть слово» – значит, оно действительно есть*» (с. 53). С другой стороны, рефлексивен и сам языковой процесс, – отношение к Слову, речи стало иным, у молодого поколения «*есть свои, новые слова. Новый язык*» (с. 52).

Языковая деятельность свидетельствует о том, что изучаемая ЯЛ неизменно характеризуется творческим, преобразующим началом, которое формируется в ходе усвоения личностью общественных знаний, норм, правил, традиций. Так, в произведениях А.П. Неркаги употребляются приметы-наказы, ориентированные на должное поведение человека в той или иной ситуации: *Пойдем в чум, не смотри вслед уходящему, не прощайся, придет* (с. 145); *Каждый ненец знает – никогда не разговаривай с собакой, как с человеком, и ни о чем не спрашивай ее, а то она ответит тебе... Что именно ответит собака, никто не знал, но все понимали: лучше не слышать!* (с. 194); *В ушах вдруг тихонечко зазвенело. «Это колокольчики покойника, – говорила, бывало, мать. И приказывала: – Ответь ему так: пока не продырявится мой медный котел, я не приду к тебе»* (с. 134); *Суров закон тундры. Кто уходит из жизни, забирает свое. Не отдашь – покойный придет за ним. Бывало, целые стойбища забирал* (с. 322).

Метаязыковые высказывания часто совпадают с коллективной оценкой языковой традиции: *Жить через огонь – так сказали бы старые люди, значит, не в своем чуме* (с. 12); *Действительно, в каждом движении парня... чувствовалась сила... Такие могут, как говорится, и медведя за ухо привести* (с. 153).

Лексика отражает языковой опыт носителя языка и его менталитет, поэтому лексикон представляет собой некое ядро, вокруг которого формируются культуроморфные признаки личности. На всех уровнях ЯЛ проявляется ее этнический характер, что влечет за собой необходимость исследования этнокультурного компонента ЯЛ [Караулов, 1989: 3-10]. Так, словарный состав изучаемой ЯЛ включает и ненецкую по происхождению лексику, и русскую.

Основной базой для изучения ненецких слов послужили следующие работы: «Словарь ненецко-русский, русско-ненецкий» Н.М. Терещенко [Терещенко, 1982], а также «Самоучитель ненецкого языка» А.В. Алмазовой [Алмазова, 1961].

В произведениях А.П. Неркаги встречаются ненецкие слова: хор (ненецк. «хора», «хоре» – олень-производитель, самец); мукаданзи – (ненецк. «макуда» – 1) один из основных шестов чума, к которому прикрепляются остальные; 2) верхушка, верхняя часть чума, в которое выходит дым); авка (ненецк. «авка», «навка» – вскормленный олень возле чума, домашний олень); тюльсий (небольшая серая с черным воротничком птица, которая, по поверьям ненцев, поет судьбу; птица-

вестница – предположительно, от ненецк. «тюси» – трясогуска). Ненецкие по происхождению и обозначения нарт – нарта-сябу (служит для перевозки досок чума и женской обуви), вандей-нарта (вандако, грузовая нарта). При этом слово «хән» – нарта (ненецк.) – в произведениях А.П. Неркаги не употребляется.

Словарный состав в произведениях А.П. Неркаги включает лексику самых разнообразных тематических групп: бытовую лексику (чум, мукаданзи, нюки: *Через мукаданзи залетали в чум светлые большие снежинки (с. 19)*), лексику, относящуюся к области оленеводства, охоты, рыболовства (авка, бык, бычок, важенка, вожак (менаруй), олень (оленуха, олененок, олешка), передовой, хор; аргиш, упряжь, наголовные колокольца, хорей, нарта (вандей (вандако) – грузовая нарта, нарта-легковушка, нарта-сябу), копылья – ноги нарты; юрик: *Менаруй был признанным вожаком, часто дрался и всегда побеждал (с. 156)*), наименования одежды ненцев (гусь, чижи, кисы, ягушка (ягушенка), малица: *Мать и зимой, и летом ходила в одной и той же ягушенке... (с. 144)*), лексику природы (карликовая березка, тальник, багульник, ягель; брусника, морошка; леса, горы, долина; олень, лемминг, волк, лиса, бурундук, песец; змея, жаба; гагара, куропатка, кулик, сова, авлик, тюльсий; налим, щука, сиг; буря, буран, снег, поземка, пурга и др.: *А внизу у ствола летом обложенные пахучими травами, голубым ягелем и яркими бусинками ягод будут стоять маленькие деревья, касаясь теплыми зелеными боками его большого остывающего тела (с. 42)*), объекты духовной культуры: духи, верования, обряды (Яминя, Мяд-пухуча, Нга, недобрый дух Харбцо, идолы, шаман, шаманство, бубен: *Харбцо недобрый, хотя и мудрый. Он живет на земле давно, чтобы отнимать у людей рассудок. Слышишь, как скрипит, будто песню поет. Это он заманивает, обмануть хочет (с. 146)*).

Рассмотренная нами лексика отражает мировоззрение, быт ненцев, являясь вместе с тем характерной чертой произведений изучаемой ЯЛ.

В произведениях А.П. Неркаги встречаются разнообразные тропы и фигуры речи: постоянный эпитет: *давние добрые времена (с. 85)*, *чужедальние моря (с. 242)*, *темный лес (с. 52)*, *черные вороны (с. 80, 88)*; изобразительный эпитет: *ершистые волосы (с. 366)*, *молчаливая трава (с. 44)*, *быстрая болтливая речка (с. 112)*, *семипластовое небо (с. 276)*, *многодумное государство (с. 244)*; метафора: *сегодняшние раны не гнездятся на вчерашние (с. 247)* (раны – птицы); метонимия: *стойбище вот уже с месяц живет ожиданием Анико (с. 333)*; *скопище враждовало с Молчащим (с. 257)*; *два чума отделились уже два дня назад (с. 116)*; гипербола: *плечи широкие, на них можно и нарту поставить (с. 154)*; *сын, пусть твое сердце будет больше неба, чтобы в нем, кроме гордости, умещалась жалость (с. 95)*; олицетворение: *луна все бежала за их спиной. Когда тучи закрывали ее, казалось, что она злое злое подмигивает, будто знает какую-то черную тайну (с. 147)* (луна, тучи – человек) и др.

Характерной особенностью синтаксиса произведений изучаемой ЯЛ является употребление предложений с подлежащим и сказуемым в Им.п. В найденных

предложениях чаще всего подлежащее выражено существительным, обозначающим абстрактное понятие: жизнь, правда, исповедь, жалость, счастье, зло, одиночество: *Жизнь – не малица. Жизнь одна, и нельзя ее заменить на новую (с. 177); Правда – палка. Ею можно убивать (с. 247).*

Встречаются подобной конструкции предложения, характеризующие человека, животных, предметы: *Человек – это остро отточенный нож. Если не хочешь пораниться, будь ножом, отточенным с двух сторон (с. 137)* и метаязыковые высказывания: *Слова – пыль. Если бы люди больше молчали, как хорошо и долго они любили бы (с. 15); Слово к огню – слово души (с. 32).*

Именительный предикативный обозначает признак постоянный, устойчивый, обычно он употребляется в сказуемом без связки. В этих предложениях А.П. Неркаги значение категории времени расширено до «вечного» значения в настоящем, в которое вошли и жизнь, и опыт всего человечества в понимании ненцев. О.К. Лагунова замечает: «Ненецкой мифологии свойственна «нарочитая отстраненность от реального времени» [Лагунова, 2003: 296]. Обнаруживается и связь с ненецким языком, в котором обычная именная основа может принимать словоизменительные глагольные аффиксы и выступать в этом случае в функции обычных глаголов [Терещенко, 1947: 129-132].

Для каждой национальной культуры характерна специфика коммуникативного поведения, изучение которой позволяет выявить особенности мировоззрения носителей языка, проявляющиеся на уровне языковой картины мира. Проблема языковой картины мира сводится к фундаментальному вопросу о специфике отражения бытия через язык. Коммуникативное поведение включает в себя вербальную (словесную) и невербальную сферы коммуникации. Средствами невербальной коммуникации чаще всего называют движения, позу, жесты, мимику, взгляд человека.

Коммуникативной особенностью, характерной для культур северных народов, является высокий семиотический статус невербальных средств общения. Гиперсемиотичность северных культур определяет установку на необходимую «экономичность» слов и действий человека: важно не говорить лишнего, не отправлять «пустых» сообщений и действий, которые «не отражают намерений отправителя или не учитывают ожиданий получателя» [Христофорова, 2001: 109-110].

Практически любое человеческое действие воспринимается как знак, жест. Толкованиям подвергается также и звук, который оценивается как одобрение – предостережение – неодобрение... Действие, звук наделяются таинством смысла (семиотизация) и имеют огромное значение в жизни северных народов, выступая в качестве предсказаний, поверий, примет. В таком случае можно говорить о рефлексивности мышления, когда «любая, в том числе и не знаковая, реальность воспринимается как реплика, несущая ожидания своего отправителя» [Новик, 1994: 157].

В нашем исследовании на уровне языковой картины мира рассматривается специфика молчания – характерная особенность коммуникативного поведения ненцев, героев произведений А.П. Неркаги. На примере рассматриваемых текстов были выделены следующие виды молчания.

Первая группа – эквивалентное коммуникативно-значимое молчание (альтернативно-вербальное молчание). В этой группе были выделены два типа молчания:

1) вызванное эмоциями, чувствами («эмоционально-чувственное» молчание): *«Ни о чем не спросили... не осмелились, застыдились мать с отцом» (с. 13);*

2) вызванное размышлениями, раздумьями, мыслями («задумчивое» молчание): *«Молчу, потому что думаю» (с. 107); «Я не спал, я теперь часто не сплю, – промолчал (Пэтко – Н.Т.) опять, раздумывая, стоит ли говорить, но тут же отбросил сомнения» (с. 94).*

«Эмоционально-чувственное» молчание часто можно лишь условно разграничить с молчанием, вызванным размышлениями, раздумьями. В рассмотренных вариантах «задумчивого» молчания чаще всего встречается молчание, вызванное переживаниями, которое имеет атрибутивные характеристики, содержащие оценку: «тяжелое» и «особо тяжелое», «истощное», «плохое», «неловкое». Надо полагать, что «задумчивое» молчание собеседника предполагает как согласие, так и несогласие или равнодушие. Однако в текстах не встретилось молчание, подтверждающее формулу «Молчание – знак согласия». О сомнительности такого высказывания пишет Н.Д. Арутюнова: «Молчание есть знак самоустранения, а не согласия...» [Арутюнова, 1994: 110]. Собеседник может молчать, если негативно относится к словам партнера по общению, не согласен с ним, но не намерен говорить, и обдумывает сказанное. Заметим, чаще всего такое молчание – негативная реакция именно на конкретные слова, хотя возможна ситуация, в которой собеседник, негативно оценивая партнера по общению, будет молчать, не соглашаясь с любыми его словами. Это менее всего свойственно героям А.П. Неркаги: у ненцев считается, что Слово может быть более действенным, чем само действие, и поэтому с ним необходимо обращаться очень осторожно.

Вторая группа – безэквивалентное коммуникативно-значимое молчание. Эта группа молчания отличается от первой отсутствием личностной мотивированности. Этноречевой запрет (на прямые и резкие формулировки намерений, межвозрастную интеграцию, должного поведения женщины и т.п.), сложившийся в силу исторических и культурных причин, во всех случаях может быть заменен всего лишь общей формулой – «так принято», без конкретизации.

Так, в повести А.П. Неркаги «Белый ягель» Вану и Хасава, приехавший из другого (!) стойбища за помощью и поддержкой, при встрече обменялись парой фраз, связанных с ритуалом встречи и замолчали, *«больше не говорили. Хасава стал отпрягать упряжку. Вану молча помогал ему и думал...» (с. 70-71).*

Специфика коммуникативного поведения проявляется в общении между разными поколениями. Старый ненец редко разговаривает с молодым: их разговор может привести к взаимному непониманию и разногласиям: «*Старые люди не шутят со словом*»; «*Совсем редко начинает говорить старый человек с молодым, считая, что малое дерево зелено да глупо*» (с. 53, 73, 94).

Этноречевой запрет должного поведения женщины тоже характеризует специфику коммуникативного поведения героев: (мать Алешки – Н.Т.) «*выскользнула на улицу и, боясь, что сын услышит, побежала в соседний чум. Нужно позвать людей к (свадебному – Н.Т.) столу... Опустившись у порога на край досок-полов, немного помолчав, как прилично женщине, она попросила: «Пойдемте, посадим их (молодых – Н.Т.)»*» (с. 15).

Четко прослеживается оппозиция *свой – чужой* в молчании и сравнении. В общении со *своим* не нужны слова, так как есть взгляд, невербальные коммуникации, а также этноречевые запреты, традиции, передающиеся из поколения в поколение. Это молчание проявляется и в общении с природой, «молчаливой» травой, зверем.

При молчании по отношению к другому человеку ненец общается с «виртуальным» для русского читателя миром, но реальным для ненца. Так, кроме рассмотренных выше этноречевых запретов, было найдено молчание-просьба, обращение к Хозяину дороги. Узнаем мы об этом молчании из детских воспоминаний Вану: «*Отец берег силу, много не говорил. Мать молча сунула ему в руку мешок с чем-то. Видимо, на это он и должен купить хлеба*». Его, мальчика, отправили за хлебом в соседний поселок, идти до которого Вану пришлось больше трех дней. Он встречал на своем нелегком пути умерших: «*Так шли люди по этой самой дороге, желая спасти своих детей и огни*». Горькая правда, тяжелая жизненная ситуация рождает молчание провожающих сына родителей, которые знали, что путь его будет нелегким. Позднее из текста узнаем, что это молчание – «*не ритуал проводов шедшего в дорогу. Старик и старуха просили милости у Хозяина дороги для него (для Вану – Н.Т.)*» (с. 48-50). Это молчание не есть традиционный ненецкий ритуал проводов идущего в дорогу, оно является одним из вариантов этноречевого запрета.

Но по отношению к *чужому* (человеку другой культуры) коммуникативно-значимое молчание непродуктивно, оно не несет своего первоначального смысла, потому что в его культуре нет гиперсемиотичности, нет тем более того, понятного северным народам, рефлексивного поведения. Поэтому появляется сравнение через поиск аналога в природе, «молчаливой» северной культуре.

В главе 2 «Сравнение как форма проявления образности в лингво-креативной деятельности языковой личности А.П. Неркаги» представлен структурно-семантический анализ сравнительных конструкций и их функционирование в произведениях писателя.

Проблема ЯЛ предопределяет изучение коллективного и индивидуального в пользовании языком, закономерностей их взаимодействия. Показателем такого взаимодействия является образ, несущий в себе свойства как индивидуального, так и общеупотребительного в использовании языка. Образ является яркой формой проявления ЯЛ и играет ключевую роль в характеристике этой личности, ее творческих начал. Образ – это важнейшая языковая сущность, в которой содержится основная информация о связи слова с культурой.

Сравнение примыкает к лексическим образным средствам и является одним из самых распространенных средств изобразительности в металогической (оснащенной тропами) речи. Однако отнесение сравнения к лексическим образным средствам условно, так как оно реализуется не только на лексическом уровне: сравнение может быть выражено словом, словосочетанием, сравнительным оборотом, единицей фразеологического типа, придаточным, самостоятельным предложением и сложным синтаксическим целым.

В нашем исследовании основной базой для изучения устойчивых сравнений послужили следующие работы: «Устойчивые сравнения в системе фразеологии» и «Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический)» В.М. Огольцева [Огольцев, 1978; 2001], а также «Лингвокультурология» В.А. Масловой [Маслова, 2001], в которой рассматривается функционирование устойчивых сравнений в разных языках.

Универсальность и специфика любой конкретной национальной языковой картины мира отражается в образах. Этнокультурная специфика сравнительных конструкций проявляется в выборе предметов и явлений для создания образов сравнения и даже способов выражения сравнения.

Чаще всего сравнения в произведениях А.П. Неркаги выступают в форме сравнительного оборота (513) и присоединяются с помощью союзов «как», «будто», «словно», «точно»: *На горе снег был чист, **как** детская ладошка, не расписан следами песцов и зайцев (с. 38); Улыбки девушек вспыхивали, **как** раскрывшиеся бутоны багульника (с. 175); На новом стойбище жизнь в чуме с первых же дней начала расплзаться, **точно** намокшая гнилая шкура (с. 189).*

Способность сравнительных конструкций с союзом «как» конкретизировать признаки предмета через реальную ситуацию, а также принадлежность субъекта и объекта сравнения к одной семантической категории – позволяют достаточно быстро воспринимать смысл фразы. Прослеживается четкая связь молчания и сравнения: конкретизация речи путем сравнения позволяет избежать многословия, отрицательно оцениваемого ненцами.

На втором месте по частоте употребления стоят сравнительные придаточные предложения (108), которые помогают в развернутом виде конкретизировать сложившуюся ситуацию, героя, его характер, действия, выполняя при этом не только логико-синтаксическую, но и экспрессивную функцию: *Разговор всегда был тихим, ласковым, **будто** говорящие боялись обидеть друг друга (с. 76); По-*

жалуй, эта ненависть и жила в нем, и он хранил ее, как самое дорогое, как голодный хранит последний пятак (с. 108).

Активно используется писателем и «творительный сравнения» (102): *Голубые, белые, солнечно-рыжие меха лежали пестрым ковром (Т.п.), пушистым и сказочным (с. 221); Смех детей звучал журчанием (Т.п.) молодых горных ручейков, сходящих с вершин в долину для общей любви и игры (с. 294).* Лексико-семантическим условием данного типа сравнительной конструкции является переносное употребление глагола, выступающего или мыслимого на месте сказуемого. Форма имени в Т.п. в составе таких словосочетаний оказывается более важной, чем глагол. Поэтому именно от данной формы может исходить главный смысл сообщения. Переносное употребление глагола ситуативно и экспрессивно. Экспрессивность языкового средства – это признак его архаичности [Луценко, 1998: 89-91]. Поэтому не случайно то, что в русском языке конструкция с «творительным сравнения» считается некоторыми лингвистами убывающей (Н.А. Луценко, Л.В. Чернец). Л.В. Чернец отмечает, что в новой литературе такое сравнение не менее условно, чем другие тропы. Данный тип сравнения («творительный превращения», «творительный сравнения») часто встречается в фольклоре, средневековой литературе, потому что возник на почве мифологического сознания [Чернец, 2000: 75-79]. А как известно, младописьменные литературы Севера России преимущественно ориентированы на мифофольклорный субстрат своих национальных культур.

Разнообразны в рассматриваемых текстах сравнительные обороты, вводимые

- глаголами (64) (походить, напоминать, казаться, отличаться, смахивать и т.п.): *Они (оленьи рога – Н.Т.) были покрыты искристым инеем и походили на ягель, только очень крупный (с. 396); Разговоры мужчин, севших вместе, напоминали совет богов (с. 294); Старые деревья кажутся старыми людьми (с. 73);*
- прилагательными (похожий, равный, схож с...) и причастиями (напоминающий, воплощающий) (55): *Мужчина, отводящий взгляд, всегда похож на зверя, не знаешь, как себя поведет (с. 43); Салла, любимый, воплощавший в себе силу Бога... (с. 248);*
- компаративными конструкциями (27): *Иногда легче камни таскать, чем сказать слово (с. 94); Олень для хозяина дороже, чем человек (с. 136);*
- производными словами (12): *Лицо горело от кровоподтеков и было свинцово-тяжелым (с. 255); Змееподобная улыбка; Скопище солнцеподобно;*
- Родительный падеж, как средство выражения сравнения, обычно используется редко. Сравнения данного типа (3), обнаруженные в повестях А.П. Неркаги, являются индивидуально-авторскими: *Они были крепкие, со светлыми, цвета спелого ягеля (Р.п.), глазами (с. 317); ... с глазами из сапфира цвета утреннего весеннего неба (Р.п.) (с. 265); Это были голубые меха песцов, рыжие, цвета солнца (Р.п.), лисицы, янтарные соболя и белки (с. 317).*

Специфическое национальное видение мира отражается в семантике сравнений, которая связана с особенностями растительного (тальник, лоза, морошка, багульник, ягель, ольха и др.) и животного мира (собака, олень, мышь, волк, лиса, бурундук, песец, лемминг, заяц, крот; змея, жаба; гагара, ворон, орел, коршун, куропатка, кулик, сова, авлик, тюльсий; налим, щука и др.). Соотношение устойчивых в русском языке и предположительно (отсутствуют словари устойчивых сравнений ненецкого языка) индивидуально-авторских сравнений в произведениях изучаемой ЯЛ убедительно показывает, что наряду с общеупотребительными, встречаются и весьма оригинальные сравнения.

Для русского человека при сравнении с собакой подчеркивается верность, у А.П. Неркаги – простота, наивность; при сравнении с оленем вместо ожидаемого благородства – смирение, честность, печаль, отчаяние; индивидуально-авторскими являются конструкции с объектами сравнения – важенка, вожак стада, пелей (оленья уздечка); сравнения с волком, характеризующие такие качества человека, как гордость, ловкость, сообразительность; бурундуком, указывающие на настороженность, недоверие, песцом – о волнующемся, беспокойном человеке, леммингом – о ловком. Традиционная для лисы хитрость сменяется растерянностью: *(Себеруй – Н.Т.) устраивал, охорашивал жизнь, трудился, как нехитрый олешка, никого не обманывая (с. 312); Муж и жена связаны между собой крепко, как пелей с передовой. Один из них упадет, второй не потянет, и не пойдет вперед упряжка Жизни (с. 107); Варнэ, как насторожившийся бурундучок, неподвижно застыла (с. 142-143); Были такие (дни – Н.Т.), когда Майма, как волк после удачной охоты, был сыт и горд собой (с. 227); Выходит, (Алешка – Н.Т.) запутался, словно лиса в своих же следах (с. 22); –Ты что это набросился на валежник, как песец на приманку? (Пасса – Алешке – Н.Т.) (с. 347); На улице он, как лемминг, выпрямился, встав на колени, и лихорадочно огляделся (с. 123).*

В сравнениях человека с птицей, обладающей способностью к полету, возможностью парить в воздухе, у А.П. Неркаги акцент делается на неприхотливое и неприметное существование, обреченность, усердие, мудрость. Гагара, выступая как объект сравнения, указывает на печаль, отчаяние, тоску; куропатка и сова – на эмоциональное состояние; кулик – на трудолюбие: *Казалось, (старик Пэтко – Н.Т.) и не спал совсем, прикорнет, как весенняя куропатка, и снова бодр (с. 92); Пэтко не ожидал, что свадьба молодого соседа так взволнует его. Словно сова в ожидании неосторожной мыши, просидел он на своей постели до самого утра (с. 25); Отец с матерью, как два кулика, ловили с утра до вечера рыбу (с. 144).*

Лексико-семантической особенностью конструкций с объектом сравнения «гагара» является употребление глагола «плакать»: *Зря они, старики и старухи, плачут, как глупые гагары на берегу озера перед дождем; Чтоб не плакал сын одинокой гагарой, когда наступит осень жизни; Тоска заливает душу, и он плачет на берегу жизни, совсем как гагара; Он может лишь заплакать гагарой. Но сейчас плач гагары для молодых ничего не значит. У них есть свои, новые слова;*

Как быть теперь? Не заплачешь в письме гагарой, олененком, потерявшим мать, не заавкаешь (с. 14, 23, 29, 52, 54).

Особенностью выявленных сравнений с деревом, растением, рыбой является уточнение внешности человека и его эмоционального состояния (мужественность, робость, страх, отчаяние): *Как изуродованное **дерево** пускает в тени и глуби леса свои последние листочки, так и я ... хочу искупить вину свою (с. 91); (Хасава – Н.Т.) стал высохшим **деревом** без живительных корней (с. 87); Те, кто попадал под его (Молчащего – Н.Т.) взгляд, съезжались, как **растения** от внезапно наступившего резкого холода (с. 269); Молчащий, словно **цветок** земной, вдавленный в грязь, стал медленно оживать (с. 287); Подняв лицо, Вану увидел странного старичка. Низенького, сухонького, как высушенная продыmlенная **рыбка** (с. 49); Кривой Глаз... будет лукавить да извиваться, как **щука** под палкой (с. 120). Объект сравнения «пень» употребляется в авторском значении – быть непохожим на других.*

«Словарь устойчивых сравнений русского языка» фиксирует сравнение человека с червем, которое характеризует действие – копошиться (о скоплении людей), это значение есть в произведениях А.П. Неркаги. Однако выявлены и неожиданные конструкции с объектом сравнения «червь», которые говорят о робком, неловком, диком, чудаковатом человеке: *Для того, кто увидел Молчащего первым, тот напоминал чудовищного червя, поедającego листья дерева и ставшего на свои крепкие лапки-ноги (с. 254).*

Комар как объект сравнения употребляется писательницей для пояснения таких качеств человека, как беспомощность, безысходность, и не рассматривается исследователями в данном значении: *Заблуждение было глубоким, выход из него не был найден, и люди запутались, как беспомощные **комары** в липкой паутине стоящего на страже наука (с. 238).*

На кропотливость, старание, а также страх указывают авторские сравнения человека с пауком, на жадность, нескромность, невоспитанность – сравнения с мухой: *Он (Хасава – Н.Т.) сидит в углу перепуганным пауком (с. 89); (Дети – Н.Т.) бегают, летают, как пузатые мухи по чуму, хватают вещи, вырывают их друг у друга, визжат и кричат ему: «Ты наш отец! Ты нам должен! Должен!» (с. 89).*

Классификация сравнений по семантической природе субъекта и объекта важна, так как из совокупности сравнительных конструкций можно видеть, какие интересы преобладают в народе, какие идеалы заложены в основу культуры данного этноса.

Сравнения человека с идолом, Богом указывают на древнейшую форму религии ненцев – шаманство: *круглые капюшоны малиц делали лица мужчин похожими на физиономии **каменных Идолов** (с. 354); Мерча, подобно каменному идолу, что стоит на берегу священного озера, неподвижно сидел на почетном месте (с. 122). Сравнения с изоморфными существами очень информативны, так как каждое изоморфное существо еще с глубокой древности надделено особыми,*

присущими только ему признаками, свойствами. Такие сравнения не требуют дополнительного пояснения, истолкования. Так, сравнения с богом содержат позитивную оценку, а сравнения с чертом – негативную: осуждение, неодобрение, неприятие, хулу.

С географическими особенностями местности связаны сравнения человека со скалой, камнем, озером, ручьем, ураганом, вихрем, снегом: *Смех детей звучал журчаньем молодых горных ручейков, сходящих с вершин в долину для общей любви и игры* (с. 294); *Салла, будто стремительный вихрь, сидевший в горах на привязи...* (с. 296); *Молодые скопийцы, подобно урагану, сметая на пути ползущих, идущих, ступая на головы и спины, мчались к доселе невиданному* (с. 282).

Семантика сравнений связана со спецификой хозяйственной и культурной жизни народа (сравнения человека с малицей, поплавком, стрелой, котлом): *Он снова увидел перед собой хозяина, от которого зависело, будет ли пуст желудок его и его детей, снова ощутил себя накрепко, как поплавок с сетью, связанным с этим человеком* (с. 157); *Он положил ладонь на деревянные ножны, вошел в стадо, рассекая его, как стрела* (с. 155); *...он почернел лицом, как большой черный котел* (с. 78).

Рассмотренные сравнения выявляют врожденные или приобретенные, эмоциональные или физические свойства, качества человека. Явное большинство составляют сравнения, в основу которых положены наглядно-чувственные, прежде всего, зрительные ассоциации. Были выявлены сравнения, характеризующие человека по следующим основаниям: по свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому этими свойствами, чертами (трудолюбие, жадность, трусость, лживость, отвага); по физическому и психическому состоянию (внешние признаки, темперамент); по характерному или разовому действию, поступку, функции (выражение протеста, забота); по окказиональному состоянию, обусловленному ситуацией, обстоятельствами, событием (отнесенность к общественной ситуации, доверие, бесправие).

Поскольку выбор объекта сравнения зависит от говорящего, оно (сравнение) характеризует и самого автора-повествователя и персонажей, их мышление. Частным проявлением характеризующей функции сравнения является оценочная функция. Сравнение всегда содержит оценочную семантику описываемого предмета речи, выражает отношение говорящего к предмету, явлению, ситуации (одобрение, ласковое сочувствие, ироническое отношение и т.п.). Источниками эмоциональной окраски слов служат оценочные значения, вызывающие у человека положительные (как *Бог, олень, собака (преданный), солнце (красивый) и т.п.*) или отрицательные (как *черт, змея, налим, жаба и т.п.*) эмоции; субъективно-оценочные суффиксы (как *рыбка, птичка, мышка, искорка, олешка; зверек, ручеек, снежок, паучок, червячок, бурундучок и т.п.*).

Сравнения выполняют разъяснительную функцию для читателя: индивидуальное проявление признака предмета осуществляется путем уподобления пред-

мету, для которого данный признак является характерным. Закрепление ассоциативных признаков в значении слова – процесс культурно-национальный. Так, сравнения человека с собакой у А.П. Неркаги, в основном, содержат семантику «собачья преданность». Силу, мужественную красоту выявляют сравнения человека с оленем; страх, робость, бесшумное поведение – сравнения с мышью; храбрость, гордость, сообразительность – сравнения с волком и т.д. Определения при объекте сравнения привносят в текст оценку и конкретизируют описываемый предмет, явление, действие (*поганое, мерзкое животное, умная собака, нехитрый олешка, слабенький птенец, глупая гагара, могучее дерево, чудовищный червь, беспомощный комар и т.п.*). Сравнение здесь выступает как способ познания мира, способ закрепления результатов этого познания в культуре.

Частным проявлением выразительности является эвристическая функция сравнений. Попадая в художественный контекст, слово включается в сложную образную систему произведения и неизменно выполняет эстетическую функцию. Об экспрессивных возможностях сравнений свидетельствует их важная, иногда ведущая роль в композиции произведений. Так, сравнение выполняет текстообразующую функцию – оно строит текст-сравнение. В повестях А.П. Неркаги широко распространены развернутые сравнения, материализующиеся в цельных фрагментах текста. Образ, лежащий в основе развернутого сравнения, может проходить через довольно большие тексты, он вырастает при этом в образ-символ: образ мальчика, вынужденного выполнять роль собаки; образ Маймы, гордого и сообразительного, как волк, внешне напоминающего коршуна; образ «притаившегося в липких зарослях водорослей» или «меж склизких камней» Улыба, похожего на беззубого налима, на гадюку; образ плачущей птицы гагары; образ Молчащего, сильного, как могучее дерево, «верхушка которого упирается в облака»; образ Хона, «хрупкого и беззащитного, как горный цветок» и мн. др.

В молчании и сравнении проявляется близость ненцев, героев произведений А.П. Неркаги, к природе. Молчащий – герой одноименной повести – говорящий на языке природы. Близость к природе проявляется и в отсутствии ярких образных сравнений человека с человеком, в то время как сравнения человека с натурфактами (растительный, животный мир) составляют более 90 % от общего числа сравнительных конструкций. В молчании и сравнении прослеживается антропоморфный взгляд ненцев на мир и проявляется национальная (ненецкая) языковая личность А.П. Неркаги.

В произведениях А.П. Неркаги довольно часто встречаются сочинительные ряды сравнений, фиксирующие стремление автора к поиску точного сравнения: *Человеку нужно змеей, чертом, солнечным лучом пролезть в душу, осмотреться там, а уж потом решать, в какое место и чем бить* (с. 250). Особенностью данных конструкций является невозможность передать смысл отдельно взятым, автономным объектом сравнения. Фиксация усиленного поиска А.П. Неркаги проявляется и в конструкциях «напоминать не то..., не то», «то ли..., то ли»,

«даже нельзя сказать..., скорее...». Следовательно, перед нами развивающаяся ЯЛ, которая идет от гиперсемиотичности и связанными с ней рефлексивностью и молчанием к попытке конкретизации, пояснения и сравнения.

Для ненцев характерны синкретизм общественного сознания, гиперсемиотичность, определяющая установку на необходимую «экономия» слов, невербальное общение. Коммуникативно-значимое молчание позволяет понимать собеседника. Важным аспектом является то, что А.П. Неркаги пишет на русском языке для читателя, вероятнее всего, мало или совсем не знакомого с ненецкой культурой, которому будет непонятна ситуация постоянного молчания. С таким читателем нужен разговор, причем разговор, позволяющий донести смысл, чтобы читатель мог представить культуру общения ненцев, быт, предметы, окружающие ненца, отношение к природе, их чувства...

Поэтому и появляется усиление, попытка более точного описания, сравнения русскими словами с русскими предметами, понятиями, ситуациями. Причем с предметами, которые зачастую в быту ненца менее значимы, чем для русского (например, сравнение человека с гвоздем). Но жизненный опыт и менталитет не могут не проявиться в тексте, так появляются сравнения, которые человеку не знакомому с жизнью северных народов, будут сложны для понимания (например, сравнения человека с кровавым мешком, важенкой, пелеем, бабкой Густой Шерстью).

Произведения А.П. Неркаги наполнены житейской мудростью, нравственными колебаниями и содержат в себе многолетний опыт, пережитый автором.

В **Заключении** обобщаются основные результаты и намечаются дальнейшие перспективы исследования языковой картины мира А.П. Неркаги. Использование автором идиостилевых элементов (молчания и сравнения) поддается периодизации и может служить важным показателем становления и эволюции авторского стиля. Изучение идиостиля Анны Неркаги в указанном направлении является, на наш взгляд, достаточно перспективным для дальнейших научных исследований.

Основные положения диссертационного исследования изложены в следующих **публикациях**:

Публикации в изданиях, включенных в реестр ВАК РФ

1. Третьякова Н.Ю. Коммуникативная многозначность молчания ненцев (на примере повести А.П. Неркаги «Белый ягель») // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 8. С. 81-90.

Публикации в других изданиях

2. Третьякова Н.Ю. Почему они молчат? (Коммуникативные особенности культуры ненцев на примере повести А.П. Неркаги «Белый ягель») // Русский мир в духовном сознании народов России: Материалы Всероссийской

научно-практической конференции / Под общ. ред. доктора филологических наук, доктора энциклопедических наук, профессора, академика АРЭ, РАГН, РАЕН Фролова Н.К. Тюмень: Вектор Бук, 2008. С. 220-224.

3. Третьякова Н.Ю. Безэквивалентное коммуникативно-значимое молчание в произведениях А.П. Неркаги // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик: Материалы II Международной научной конференции. Часть 1 / Науч. ред. Боженкова Р.К. Курск: Издательский дом VIP, 2009. С. 351-353.

4. Третьякова Н.Ю. «Творительный сравнения» в произведениях А.П. Неркаги // Вестник Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. 2009. № 58. С. 40-42.

5. Третьякова Н.Ю. Феномен языковой личности: аспекты изучения // Гуманитарные проблемы современности: человек и общество: Сборник материалов Международной научно-практической Интернет-конференции / МОУ ВПО Южно-Уральский профессиональный институт; отв. ред. Долгих М.В., Подорожко И.В. Челябинск: Фотохудожник, 2009. С. 115-118.

6. Третьякова Н.Ю. Языковая личность автора художественного произведения // Актуальные проблемы филологии: Сборник статей Межрегиональной (заочной) научно-практической конференции с международным участием (7 июня 2009 г.). Вып. 3. Барнаул; Рубцовск: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 168-172.

7. Третьякова Н.Ю. Семантическая классификация сравнительных конструкций в лингвокреативной деятельности языковой личности А.П. Неркаги // Провинция в контексте истории и литературы: Сборник материалов V Межрегиональной научно-практической конференции. Тула: Ясная Поляна, 2009. С. 155-163.

8. Третьякова Н.Ю. Языковая личность А.П. Неркаги: особенности функционирования сравнительных конструкций // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Т. 4. Красноярск: Издательство СибГТУ, 2009. С. 131-136.

9. Третьякова Н.Ю. Языковая рефлексия как форма проявления языкового сознания в произведениях А.П. Неркаги // Духовные основы славянской культуры в народном сознании поколений / Под общей редакцией доктора филологических наук, доктора энциклопедических наук, профессора, академика АРЭ, РАГН, РАЕН Фролова Н.К. Тюмень: Вектор Бук, 2009. С. 222-223.

10. Третьякова Н.Ю. Языковая картина мира как специфика отражения бытия через текст в произведениях А.П. Неркаги // Основные направления гуманитарного знания: Сборник материалов Международной научно-практической конференции студентов и молодых исследователей 15-16 мая 2009 г. Пенза: ПГУАС, 2009. С. 104-106.